

Наше будущее.

— Знаете что, господа? По моему, самое страшное в этой войне — участие детей. — говорит почтенный русский офицер, выдавший виды. — Самое подлое, преступное, по моему, то, что немцы посылают на войну детей... («Дети — воины», «День», от 15 ноября).

В статье г. Кузьмина-Караваева «Юноши на войне» говорится уже о русских детях, не посылаемых, Боже сохрани! а «всякими правдами и неправдами бегущих на войну». «Суть в том, — замечает автор, — что детей на войне быть не должно... И они обязаны знать, что будут на войне обузой».

Кажется, ясно — спора нет. Но вот еще одна статья на ту же тему, В. Роландова «В чад войны» («Нов. Вр.» № 13891). Как свойственно «интимному» писателю, — Розанов рассказывает о собственном, 15-летнем, сыне. Сын «бурлит», стремится на войну, грозит убить, «если добром не пустят». При чем сын такой, что над книгами все равно засыпает, даже заглавия книжного путем не может прочесть и ни о чем «не имеет ни образа, ни понятия». «Что же у него в голове?» — изумляется Розанов. Однако, за побег на войну «хотел его выпороть, да с детства ростом, боюсь сдачи дать».

Хотел выпороть и вдруг... переехав на второй столбец, заговорил с тем же сыном — названку: «Помнишь, Василий, Тараса Бульбу? Женщины (мать, сестры) не понимают мужчин. Мужчина, действительно, должен сражаться... Ученье? Что такое ученье? Это десять книжек, от которых тошнить? Кого же ученье воспитало, вдохнуло героизм, мужество, правду? Ученье... его всегда найдешь, много их плясает учителей без мста... И Розанов не только «отпускает добром» подростка-сына, но и сам, кажется, собрался на войну, ибо кончает таким общим призывом: «...мерзавцев (немцев) надо колотить по морде, — рулем, плетью, кулаком, чем попало... Идите и старый, и малый против ученых зверо!»

Не очень, конечно, любопытны мнения и выверты столь «известного» писателя, как Розанов. И мы не германцы, детьми не сражаемся, а потому юный Вася все-таки скорее попадет под розги, чем на войну. Пятнадцать лет... не о чем разговаривать. Многие, в 13—15 лет бегущие сегодня на войну — делают это в том же порыве детского огня, который в не-военное время заставляет школьников бегать в Америку, в разбойники, в индйцы, — мало ли куда? Это явление вечное. Тинь маленьких героев — вечный тип. Интересно было бы понять, какова в общем наша современная молодежь, — нашего века, нашего времени; что — в ней?

Может быть, это закон природы, что отцы не понимают детей. Может быть, это мне лишь кажется, что сегодняшние отцы дошли до абсолюта в непонимании сегодняшних детей.

Во всяком случае, и в н и м а н и е отцов к детям в нынешние времена какое-то исключительное. Говорю о внутреннем невнимании: забавенных громких слов, заискивающих поощрений (когда дело идет не о собственных, а о «детях» вообще) и внешних забот (о собственных) — этого сколько угодно. Так было до войны, так и теперь.

Я не претендую на какое-нибудь особенное понимание современности, но внимание у меня есть. И война лишь подтвердила некоторые мои наблюдения. Во-первых, — она оказалась благотворной для той части молодежи, которую мы привыкли называть «старыми молодыми»; для наших «неприятель», выбитых жизнью со своего места и не умевших найти новое, для тех, кто бегал по футуристам, или опускался в неочеховский быт, или безвольно шел в самоубийцы. Их война положительно породила. Подогрела кровь, дала содержание, смысл жизни, если не новый, то новый для них и во всяком случае яркий и конкретный. Многие устремились прямо на войну (им, впрочем, не «бегать»; они взрослые); другие, оставшись, все равно отдали себя войне, забыли вялость и скуку, работают, как умеют. События переносили их, увлекают... иной раз дальше, чем нужно, но где мать о мбрах в такие времена?

Есть у нас и другая молодежь, тайная, потому что очень уж молодая. Отцы и к ней-то невнимательны, а об этой что же говорить. Да она и не ждет внимания, хотя сама внимательна ко всему, слезать зоркими глазами, берет, что ей может

пригодиться, — из мира, от невиданных отцов — и уносить в свою закрытую лабораторию.

Что там готовится? Я не знаю. Не знаю, конечно, — жизнь в будущем, они сами — будущее. Но думаю, кое-что пригодное, даже необходимое для будущей жизни из этой потаенной лаборатории вынесется.

— Вы жадите, что слишком молоды? Вам хотелось бы пойти на войну?

— Нет, как жалеть? Это случилось, то есть что мне не хватает лет, значить, не без смысла же. Мне, нам, надо будет жить после войны. И вот об этом...

Но перебивает себя:

— Конечно, я здоров, силен... И если бы понадобились мои руки... В санитары, например... Или в какую-нибудь тяжелую работу... такую, знаете, вред...

И бы сейчас же пошел.

Да, они будут жить после войны. И сознавать это, с этим переживать войну внутренне, — пожалуй, труднее, чем взять да кинуться в нее, тайком от заботливых родителей.

Кажется, у этих детей уже есть кое-что в решении подтвердить отцовских: отцы шатались, сомневались, отрекались... для детей многое уже совсем ясно. Отцы, конечно, улыбнутся: а опыт? а жизнь? Жизнь будет, но частью уже есть и теперь; опыт... неужели у юности так таки нет опыта? К ее услугам опыт всего человечества. Свой собственный — всегда только необходимая прибавка к безсознательному, врожденному, в крови носимому.

Любопытно отметить, чего, главным образом, хочет та новая, неизвестная, молодежь, о которой я говорю. Она хочет знания и воли. Надо «уметь хотеть» и «знать, чего хотеть». Это не я определяю, это они сами. Пожалуй, слишком обще. И слишком наивно, скажет «отец». Но не без мудрости, не без верного инстинкта, — ведь, как раз «воли» то не хватало их «отцам» да и старшим братьям. «Все только придумывали, а делать не дбали. И перековеркалась жизнь».

Некоторая самопамятность — закон юности, да и право ее, пожалуй. Я ничего не предсказываю; но думаю, что будущая жизнь принадлежит именно тем людям, которые «умеют хотеть»; и факт, что есть в наше время юность с таким сознанием, с таким уклоном, — кажется мне фактом очень радостным.

Этот уклон не ярко видим, да и не во всех частных группировках молодежи присутствует. Однако, всякая группировка достойна исследования.

Вот, например, недавно появившийся студенческий журнал «Северный Гусярь». Само по себе — это хорошее, доброе дело; и если бы даже весь он, целиком, шел в пользу недостаточных студентов, без отчисления «для раненых», — мы бы также хорошо покупали его у студентов, которые «сами пишут, сами продают». Материальная поддержка учащейся молодежи не менее нужна, чем раненым. А что сказать о журнале, как о таковом, о молодой группе его составителей — я совершенно не знаю. Кто они — старшие или младшие? Чего они хотят? Конечно, хорошего: объединения всей учащейся молодежи, свободы от партийности... Не умеют ли они «хотеть»? И может ли быть объединение на принципах отрицательном, какова «безпартийность»? Достаточно ли этого? Проскользнула в одной редакторской статье более определенная фраза: «...спас пазывают неославянофилами». Но далее понятие не было разъяснено. Это уже ошибка. Слишком «наивно», что такое наши, — даже «нео», — славянофилы. «Мы хотим обратиться на высокую башню».

Впрочем, всего, что группа «Гусяря» сама еще не знает, кто она; и находится не на башне, а на перекрестке. Это хорошо, но нельзя жить на перекрестке; если не стоять, — то придется выбрать дорогу. Опытные, взрослые люди, — между прочим, и «отцы» «Вечернего Времени», — это понимают. Недаром и захваливают «Гусярь»: авось, мол, нашу дорожку выберут, как вздумают двинуться. А нам очень на потребу.

Свобода выбора — главное дело. Я тоже думаю, что на перекрестке встать нельзя. Но хотелось бы знать, что молодая группа не выберет проторенных путей (особенно таких заблужденных, как Ново-Вечерне-Временский). Лучше бы проложить свою, новую, дорогу к будущему. Трудно? Нет, не очень. Только надо, конечно, «уметь хотеть».

Антон Крайний.

